

—

Все замолчали после слов наложницы Лань. Вспоминая положение Сяо Цзиня и супруги Лю Цзинъи, несколько присутствующих принцев, включая юного Сяо Сяня, смотрели на наложницу Лань со сложным выражением лица.

Особенно Сяо Жун. Он изначально испытывал сильную зависть к Сяо Цзиню и этому ещё не родившемуся ребёнку, желая, чтобы с ним случилось что-то плохое, и каждый день в душе молился, чтобы у Сяо Цзиня никогда не было детей.

Теперь же, не успел он придумать способ, как наложница Лань уже создала проблему. Если Сяо Цзинь умрёт от яда, а Лю Цзинъи потеряет ребёнка от шока, то всё будет идеально.

В отличие от этих принцев, император Сяо Шэн оставался безразличным, наложница Сянь спокойно взглянула на Сяо Сяня, её выражение было равнодушным, а лицо императрицы было мрачным, в глазах горел неудержимый огонь.

До вхождения во дворец наложница Лань была мастерицей по приготовлению пирожных, и после вхождения во дворец она время от времени готовила их для императора и императрицы. В эти дни у супруги Лю Цзинъи не было аппетита, она то ела, то её тошнило, и вдруг она вспомнила вкус пирожных наложницы Лань.

Она случайно попробовала эти пирожные во дворце императрицы; пирожные были очень вкусными, но раньше она не придавала им особого значения.

Теперь, когда она вспомнила, ей очень захотелось их съесть.

Некоторые вещи для беременных женщин становились тем желаннее, чем труднее их было получить.

Конечно, Лю Цзинъи, по своему статусу, не могла напрямую обратиться к наложнице Лань с просьбой приготовить пирожные – это было бы невежливо. Однако, она так сильно хотела их, что воспользовалась случаем и деликатно намекнула об этом Сяо Цзиню.

Сяо Цзинь и так беспокоился, что она ничего не ест, и, услышав её слова, сразу понял, что к чему. Вскоре он отправился к императрице.

Лю Цзинъи редко чего-то хотелось, и императрица, обрадовавшись, сама пошла к наложнице Лань, чтобы поговорить об этом. Она пошла лично, чтобы позже никто не сплетничал за спиной наложницы Лань, говоря, что она заставляла её готовить пирожные, как будто та была служанкой.

Наложница Лань во многих отношениях была невнимательна, и императрица старалась максимально предусмотреть все детали.

Наложница Лань не особо задумывалась; как только императрица сказала, что Лю Цзиньи хочет пирожных, на следующий день она сама приготовила их и отправила во Восточный дворец.

В то время у Лю Цзиньи был отменный аппетит, и она много ела. Императрица и Сяо Цзинь были очень довольны, узнав об этом.

В течение следующих нескольких дней наложница Лань готовила разные пирожные и отправляла их во Восточный дворец.

Но вкусы беременных женщин меняются быстро: то, что вначале очень хотелось, через несколько дней постоянного употребления пирожных начинало надоедать. Однако желание приготовить пирожные выразила Лю Цзиньи, и всего через несколько дней ей стало неудобно просить наложницу Лань не готовить их, так как со стороны это выглядело так, будто она подшутила над наложницей Лань в глазах посторонних.

Поэтому пирожные, доставленные во Восточный дворец, оставались нетронутыми.

Сегодня, услышав, что Лю Цзиньи немного нездоровится, императрица и наложница Лань пришли навестить её. Наложница Лань, конечно, привезла с собой пирожные.

Сяо Цзинь знал, что Лю Цзиньи в эти дни совсем не хочет есть пирожные, поэтому он сам взял принесённые наложницей Лань пирожные и с улыбкой сказал, что Лю Цзиньи всегда съедает все пирожные, а сегодня он хочет попробовать их сам.

Лю Цзиньи воспользовалась случаем и с улыбкой сказала, что сейчас она не голодна, и пусть он ест сколько угодно.

Через мгновение после того, как он съел кусочек пирожного, лицо Сяо Цзиня посинело, дыхание затруднилось, и он без сил рухнул на пол. Императрица и наложница Лань, увидев это, вскрикнули, призывая императорского лекаря. Лю Цзиньи, увидев эту сцену, побледнела, и у неё начались боли в животе. Затем наложница Лань бросилась к Сяо Цзиню, плача и пытаясь вызвать у него рвоту пальцами.

Во Восточном дворце воцарился полный хаос.

Император как раз разговаривал во дворце наложницы Сянь, услышав об этом, он вместе с наложницей Сянь прибыл во Восточный дворец.

Подозреваемая наложница Лань стояла на коленях, рассказывая о произошедшем.

События развивались именно так, но императрица прекрасно понимала, что в этот особый период всё, что попадало в рот Лю Цзиньши, тайно и тщательно проверялось во Восточном дворце несколько раз, и слуги даже пробовали еду на яд, даже пирожные, присланные наложницей Лань.

Только сегодня, на глазах у неё и наложницы Лань, Сяо Цзинь не дал унести пирожные, а съел один кусок прямо на месте. И именно этот кусок отравил Сяо Цзиня и напугал Лю Цзиньши.

Пирожные наложница Лань приготовила сама, она же их и принесла, и именно из-за её присутствия Сяо Цзинь их съел.

По этим причинам невозможно было сказать, что это дело не имеет к наложнице Лань никакого отношения. Конечно, не исключалось, что кто-то специально подставил наложницу Лань, но при отсутствии доказательств, подозрение падало прежде всего на наложницу Лань.

Подумав об этом, Сяо Шань посмотрел на Сяо Шэна и, выдержав его острый взгляд, сказал: «Отец-император, ваш сын думает, что кто-то намеренно подставил мать-наложницу. Кто не знает, что мать-императрица и мать-наложница, а также наследный принц и ваш сын близки? Тот, кто это сделал, намеренно хотел рассорить нас, чтобы мы убили друг друга, а он получил выгоду. Всех во дворце Цзинлань, а также всех, кто контактировал с пирожными в Восточном дворце, следует тщательно проверить».

В этот момент упоминание о невинности наложницы Лань легко могло вызвать ассоциации с оправданием.

Но Сяо Шань был другим; он всегда был таким, говорил то, что думал.

Наложница Лань, с опухшими глазами, говорила сбоку: «Вот именно, вот именно!»

Сяо Шэн взглянул на неё, тело наложницы Лань вздрогнуло, и она больше не смела говорить или плакать.

В это время Сяо Жун не выдержал и вышел вперед, сказав: «Третий брат, тебе, как сыну, естественно, жаль наложницу Лань. Но отравление наследного принца – это очень серьезное дело. Во всем нужны доказательства, и ты не можешь так спешить, только потому, что замешана наложница Лань».

«Кроме того, третий брат, ты только что сам сказал, что ты и наследный принц очень близки, так что ты должен еще больше понимать чувства матушки-императрицы. Теперь, когда наследный принц отравлен, и его жизнь висит на волоске, матушка-императрица тоже мать и видела, как наследный принц был отравлен, ее сердце, должно быть, еще больше болит. Ваш сын верит, что отец-император сможет установить истину, и тогда станет ясно, кто это сделал».

Слова Сяо Жуна казались сказанными в поддержку Сяо Шаня, но на самом деле они постоянно напоминали императрице, что, как бы близок ни был Сяо Шань к Сяо Цзиню, он все равно был сыном наложницы Лань. Теперь, когда Сяо Цзинь отравлен, Сяо Шань, вместо того чтобы требовать расследования, сразу начал оправдывать наложницу Лань.

В конце концов, материнская любовь сильнее братской. Кроме того, Сяо Шань тоже был принцем, и уже взрослым.

Между принцами и наследным принцем всегда существовал конфликт интересов, и нельзя было слишком сильно верить в его безразличие к трону наследного принца.

На лице императрицы не было никаких эмоций, когда она слушала эти слова, но её невольно сжавшиеся руки под широкими рукавами выдавали её мысли. Наложница Сянь равнодушно посмотрела на Сяо Жуна, выражение её глаз было неясным.

Сяо Шэн же рассеянно посмотрел на Сяо Шаня.

Наложница Лань не была настолько глупой, чтобы не понимать подоплёку этих слов. Она знала, что в словах Сяо Жуна есть скрытый смысл и хитрость, но не знала, как возразить. Казалось, что любое её слово будет неправильным, и она просто беспомощно волновалась.

В это время Сяо Шань поднял голову и, уставившись на Сяо Жуна, сказал: «Разве старший брат не хочет сказать, что яд подложила матушка-наложница, и причина в том, что матушка-наложница хотела отравить второго брата, чтобы я стал наследным принцем?»

При этих словах все были ошеломлены, даже ничего не выражавший Сяо Шэн приподнял брови.

Наложница Лань мгновенно снова заплакала и замотала головой: «Я не... я не...»

Сяо Жун посмотрел на Сяо Шаня, словно увидел призрака.

Некоторые вещи все прекрасно понимали, но нельзя было произносить вслух, особенно те, что касались титула наследного принца или императорского престола. Потому что, сказав их, это означало, что в сердце были такие мысли.

Структура мозга Сяо Шаня отличалась от других, он осмеливался говорить такие возмутительные вещи публично.

Сяо Жун не хотел умирать вместе с ним и поспешно преклонил колени. Сяо И, Сяо Сянь, а также супруга Жуй Гу Линлун тоже опустились на колени.

Сяо Жун с выражением глубокой печали и возмущения сказал: «Отец-император, ваш сын совершенно не имел этого в виду. Ваш сын лишь беспокоится о здоровье наследного принца и не думал ни о чем другом. Не знаю, что думает третий брат, что он произнес такие возмутительные слова».

Сяо Шань холодно фыркнул в ответ: «Старший брат, ты хочешь сказать, что у меня проблемы с пониманием? Старший брат, ты думаешь, я дурак? Конечно, ты не осмеливаешься говорить прямо, поэтому можешь только намекать. Я плохо учусь и не умею изворачиваться в словах, так что не вини меня за прямоту. Если со вторым братом что-то случится, разве не ты, старший брат, получишь наибольшую выгоду? Чего ты тут ломаешь комедию?»

«Ты... ты, ты, ты...» Сяо Жун указал на Сяо Шаня, весь дрожа, его лицо покраснело от гнева, и он не мог произнести ни слова.

Супруга Жуй, с ледяным лицом, резко сказала: «Князь Ли, ваше желание снять подозрения с матушки Лань - это ваше дело, но ваше клеветническое и отвлекающее внимание поведение слишком возмутительно. Князь Жуй поступает правильно и честно, он предан отцу-императору и не имеет никаких дурных намерений...»

«Так ты осмеливаешься сказать, что у старшего брата нет таких мыслей? И не только у старшего брата, но и у вас нескольких — осмеливаетесь ли вы положить руку на сердце сказать, что у вас нет ни малейшего желания стать наследным принцем?» Сяо Шань не обращал внимания на гнев Сяо Жуна и Гу Линлун. Он продолжал хмыкать, заодно втягивая в это Сяо И и Сяо Сяня.

Сяо И был ошеломлен, не понимая, почему битва перекинулась на него.

Сяо Сянь, обычно избалованный, в этом возрасте больше всего не терпел такого унижения. Слова Сяо Шаня звучали так, будто только он один во всем мире не заботится о власти и славе, и на фоне его благородного характера все остальные превратились в хищных и амбициозных людей.

И потом, кто, родившись в императорской семье, не имеет личных интересов? Кто не хочет занять самое высокое место?

Сяо Сянь, размахивая руками и ногами, гневно, словно разъярённый бычок, сказал: «Мы осмеливаемся сказать, а ты? Ты осмеливаешься? Ты осмеливаешься?»

«Конечно, осмеливаюсь!» — величественно заявил Сяо Шань, и не просто сказал, но и поднял правую руку, торжественно произнеся: «Я, Сяо Шань, клянусь восемнадцатью поколениями предков, что у меня нет ни малейшего интереса к титулу наследного принца или императорскому престолу».

Сказав это, он искоса взглянул на Сяо Жуна и остальных: «А вы? Клянитесь! Осмелитесь ли вы

поклясться?»

Лица Сяо Жуна и других покраснели от смущения. Затем один из них, полный негодования, тоже поднял руку и гневно сказал: «Я тоже клянусь восемнадцатью поколениями...»

«Довольно!» — не дождавшись, пока они закончат свою клятву, Сяо Шэн разбил чашку о землю.

Звук разбитой чашки был чистым и звонким, и он также привёл в чувство нескольких принцев, которые ссорились, как дети. Несколько принцев мгновенно замолчали. Вспомнив, как они только что себя вели, все покраснели от стыда.

На лбу Сяо Шэна задергалась вена. Он встал и с холодным взглядом подошел к Сяо Шаню, пнув его ногой по заднице: «Ты клянешься восемнадцатью поколениями предков! Ну-ка, скажи мне, кто твои восемнадцать поколений предков?»

Сяо Шаня от удара повело в сторону, он поспешно выпрямился на коленях, скривил губы и тихо сказал: «Ну, это все предки семьи Сяо, включая и вас, отец-император. У вашего сына нет дурных мыслей, и я не боюсь, что предки и вы, отец-император, будете допрашивать меня».

Сяо Шэн рассмеялся от злости. Он снова пнул Сяо Шаня ногой: «Что, ты ещё и прав?» Затем он посмотрел на Сяо Жуна и остальных: «Сяо Шань плохо учится и не думает, что говорит, но неужели и вы все свои книги собакам скормили? Весело вам тут с ним пререкаться? Достаточно ли шумно? Достаточно ли достойно? Где ваша вежливость? Где ваши манеры? Вы уже такие взрослые, а ведёте себя хуже трёхлетних детей, что за беспорядок!»

Сяо Жун не мог вымолвить ни слова, Сяо И совершенно не понимал, почему ситуация так обернулась, и мог только стоять на коленях, неподвижно выслушивая критику Сяо Шэна. Сяо Сянь же поник головой и затем свирепо посмотрел на Сяо Шаня.

Если бы не Сяо Шань, они бы никогда не сделали такой позорной вещи.

Сяо Шэн повернулся и указал на Сяо Шаня: «Я не хочу тебя видеть, сейчас же убирайся из дворца».

Сяо Шань встал, бормоча под нос «ну и ладно», а когда увидел застывшую наложницу Лань, он успокоил её: «Матушка-наложница, не волнуйтесь, держитесь. Мы поступаем честно и справедливо, пусть матушка-императрица и отец-император сами разбираются в этом...»

Бровь Сяо Шэна дёрнулась, он поднял палец в сторону ворот Восточного дворца: «Немедленно, сию же секунду, убирайся отсюда».

Императрица и наложница Сянь, глядя на вышедшего из себя Сяо Шэна, были ошеломлены.

Гнев Сына Неба, это было слишком страшно!

—

<http://bllate.org/book/14491/1282503>